

ВЗГЛЯД

КОЛОКОЛЬЧИКИ

Длинный деревянный забор, как глухота чьих-то бесконечных забот. Идешь и идешь мимо, вдоль него – сплошная скука.

И вдруг островок радости. Вьюнки высочили в узкие щёлки, глядят на солнечную улицу во все голубые глаза. Посаженные там, за глухим забором с северной стороны, они нашли в себе силы и сноровки, вьются и веселятся теперь на воле.

Радуют собой тех, кто способен их видеть. Чьи-то упорные колокольчики без звона, ставшие принадлежностью всей улицы. Безмолвные колокола многоликого Божьего мира.

гая птица, тоже взрослая, все вспархивала беспокойно, канителилась. А дети сидели на дереве и вопили, не смыкая клювов. Что хотели этим сказать – неизвестно, но урок продолжался, родитель учил добывать себе пищу.

Один из молодых не вытерпел, сорвался с места, улетел. Но и этот непоседа вернулся. Видно, нелегко ему придется привыкать к упорному дятлову труду, дающему пропитание.

НЕИЗВЕСТНАЯ КОЗЯВКА

Август, зенит дня. От жары раскалились крыши и стены домов. Кажется, размяк тротуар.

вижу впервые.

– К непогоде, должно быть, – отмечая невольно, – значит, опустились под давлением воздуха, поневоле приоткрыли тайну торжества любви.

Живущие полётами не во сне, наяву. Столь непохожие на другие земные существа. И все же подчиняющиеся земным законам – он и она. Что пленяет эту пару? Богатое гнездо, одарённые дети? Может, оперение наряднее других птиц?

Нет, их радуют ощущения крыла друг друга. Им достаточно быть рядом, чтобы петь гимн жизни. Даже если это всего лишь воронье «кра»! Прошел день. Шквалистый ливень

це, малиново заливая радостью пробуждения просветы меж деревьев, а испив чашу дня, охотнее спускалось куда-то в свою непостижимую тайну. Бурели травы, напитанные росами понизовья. Тяжко рдели на болоте ягоды клюквы среди глянцевиотемной мелкотни листьев. Туман молочно густел, набирался сил, знобил все вокруг, входя в свою власть. И ему уже казалось – будто оживал, превращался во что-то одушевленное. Он любил это время года, когда закатывались летние месяцы, наполненные звоном свободы и радости, но не вступала еще в свои права белая стужа, загоняющая все живое

в небо. Он шел сквозь ветви рябины в безумном стремлении покинуть болото, и лили слезы гроздь кораллов. Тонкими струйками влаги сбежали по запотевшему стволу, оставляя за собой зеркальные дорожки.

Отуманивал, цеплялся за пышные лапы елей, повисал бриллиантами на каждой из тысяч иголок.

...И вдруг, забыв об угрозе собственному бытию, вспыхнул мгновенной радугой счастья: вездесущий горячий Глаз польхнул в полнеба.

– О...позд..а..а..л... - глухо растеклось над лесом с надеждой на торжество в вечерний закат.

Но избыточное существо уже позна-

ВСЯКОЕ ДЫХАНИЕ

ПРОСФОРА

Дети молодого священника только что приняли причастие и теперь с большим аппетитом кушают привычные для них просфорочки. В их руках кульки с гостинцами – конфеты и яблоки, но самое большое лакомство, судя по их счастливым личикам, – маленькие круглые хлебцы.

Тёма, Алечка, Лера, Женя. Вдруг из чьих-то ладошек посыпались крошки. Как собирали они их, дружно присев на корточки: вначале с пола в рот, потом матушке в ладошку, подставленную ковшиком.

Совсем юная матушка. Она сидела рядом, и все они были в эту минуту равны в едином стремлении не оставить на полу ни крошки святого хлебца.

Собирали неосознанно, потому что так надо. Выполняя пока волю мамы, с которой сейчас для них начинается Божья воля.

ШКОЛА ЖИЗНИ

Под окном моей спальни вишневое дерево, старое и дуплистое. Рядом столб – деревянный и подточенный червями. Какие-то провода держит на фарфоровых блюдцах. Каждое утро сюда прилетает дятел. Еще сплю, когда он устраивает свой стукоток. Для меня это один и тот же лесной лекарь.

Но покатило лето на вторую свою половину, и оказалось, что дятлы прилетали разные, возможно их была пара.

И вот однажды раздался писк, на дереве разместилось пернатое семейство в малиновых шапочках. Значит, подросли детишки, настала пора учебы. Вообще-то, в начале прилетел один. Осмотрел объект, цепляясь коготками, пошнырял вверх-вниз, как-то взволнованно-нервно пискнул и умчался. Не успела забыть о беспокойной птице – она уж возвращается. И не одна, всей компанией. Облюбовали столб, на нем и разместился главный дятел для проведения практических занятий. Долбил часто и бесперебойно, дру-

– Какая смешная муха, – неожиданно останавливается моя попутчица. Она молода, любопытна к жизни во всех ее проявлениях. Смотрю на горячую дорогу: козявка, даже не знаю, как ее назвать. Схожа с комаром мужского пола. Того, что на длинных ногах, большого, нескладного и безобидного. Но брюшко, вроде, потолще, красноватые штришки по спинке, и ноги не столь длинные.

– Правда, забавная? – рассматривает моя попутчица. – И работающая. Она палку сейчас тащила, вдвое больше себя.

Девушка смотрит вокруг букашки: – Да вот она, палка та.

Подымает двумя пальцами, осторожно подает незнакомой козявке: испугалась нашего к ней внимания и оставила добычу.

– Ой! – воскликнула озадаченно. – Это же червяк. Ну, копия – палочка, такой же коричневатый и твердый.

Незнакомая муха охотно берет его в челюсти и, поддерживая передними ножками (благо их еще две пары), продолжает путь.

Асфальт раскален, козявка мала и беззащитна. Идут над ней люди, жжет солнце, она тащит через дорогу добычу вдвое больше ее самой. Куда-то несет, в известное только ей место. Видно, усыпив предварительное, чтобы справиться.

С какого дерева сняла вредителя эта никому неизвестная героиня, одна из множества наших негласных помощников. Не наступить бы на нее ненароком, не сгубить хрупкую жизнь, предусмотренную на земле Богом.

ВОРОНЫ

Работаем в саду, вдруг возникает сильный звук. Еще не понятно – что это, а он приближается, нарастает.

Две птицы, большие и сильные. Низко летят в упоительном восторге, нагоняя друг друга, кувыркаясь в воздухе. Радостно и вольно им в свободном полете. Широкий размах крыльев, массивные клювы, блестит на солнце черного оперения. Даже с земли чувствуется, как хорошо и привольно им вдвоем.

Нередко приходилось видеть воронов в небе. Высоко-высоко летят обычно вдвоем над лесом. Мелодично звучит с небес их торжествующее «кра» – как звук натянутой струны, тронутой чьей-то ловкой рукой. Но вот так, близко, в игре,

налетел на наш бедный сад, над которым пролетали влюбленные в жизнь птицы. Метала молнии гроза, бил град, хоть и недолго. Недаром говорят, что ворон – вешун.

СЧАСТЛИВАЯ

Юная хрупкая цыганочка. Появилась с какого-то времени на паперти Никольского храма и присела у входа на табуретке, специально для нее поставленной. Трогательно-нежное лицо; тихая, виноватая улыбка; срок беременности идет к завершению.

Прихожане сочувствовали, опуская в ладошку рубль, два – сколько не жалко. Какое-то время отсутствовала. Вскоре появилась, теперь уже в холодке притвора с новорожденным на худеньких руках.

Ожидая осложнений, медики заранее направили в областной центр. Роды были трудными. Большая потеря крови, еле выжила. Дочка Кристиночка появилась на свет. Трогательно опекали прихожане в день первого причастия младенца.

А потом юная мама наравне со всеми сидела во дворе на лавочке и перечисляла слагаемые своего счастья.

Выжила, когда могла погибнуть. В первый выход после больницы помогли люди, собрали 500 рублей. Дома еще двое детишек – Любонька да Илюшечка. Особенно сынок радует: уж такой серьезный, такой умный. В августе три года исполнилось, в честь Ильи Пророка нарекли.

– И муж положительный, работающий, – засияла глазами от уважения, – правда, зарабатывать негде, мало пригласают.

И гражданства нет, с Украины приехали – там еще тяжелее. Нет у нее потому ни полиса медицинского, ни бесплатного обслуживания. Да и материальная помощь от государства все по той же причине по рождению ребенка не положена.

И родителей у нее нет – круглая сирота.

Зато на Преображение насобирали 150 рублей, детей накормила.

Говорит, мелко проникновенно крестится, светится тихой благодарностью к людям. И отец-настоятель, батюшка Владимир, ее заметил. В трапезную даже после службы приглашают покушать. Она стесняется, правда. Так разрешили потом заходить, когда все отобедают.

ТУМАН

Дни покатились на убыль. Все заспаннее подымалось солн-

по норам. Подымаясь перед восходом над низиной, он рос, расширялся, устремлялся вверх. Хотелось достичь неба в заревые часы, упереться в него, затуманить, закрыть собою, поглотить. Уже цеплялся за деревья белыми пустыми рукавами своей рубахи, забивал дыхание всего сущего, поглощал звуки. Вот-вот, чудилось ему в такие мгновенья, он оживет, подчинит своей воле безраздельно. Но, расширяясь, туман редел, к его ужасу, обессиливал, повисал на корявых сучьях рваными клоками, таял.

– Оплотдал... – катился над низиной непонятный вздох, как возглас разочарованья, когда солнце выкатывалось на небо, заливая пробуждением окрестности.

– Угу-гу!.. – будто соглашались совы в предчувствии мокрых ночей и сквозных ветров в опустелом лесу.

Обессилев, туман падал в болото, и оно отзывалось поцелуями пузырьков, наполненных газом.

– Эх! – пролетало над понизовьем чье-то разочарованье, и до него доходило, что ему уже не подняться – завтра будет другой Морок и что он, однодневка, растворится навсегда там, откуда вышел.

– Но это будет потом, через ночь, а сегодня... – он еще цепляется за спасительные утешения. Разве не он властвовал вокруг болота, натуманив на рассвете молочное озеро.

– Ах! – кричали деревенские девушки, придя с кузовками за клюквой, и их испуганный крик тонул в сыром тумане. Они ежились зябко, подтягивали подолы юбок, мокрые от росы, пытались прикрыть щиколотки. Это он, казалось туману, хватает влажными ладонями ноги глупых молодых, он подчиняет своей воле.

Сырые змеи скользили клубками, радуясь холоду сырости.

– Кря! – отвечали заблудившимся в тумане селезни, и болотная нечисть, пучась в болоте, дразнилась как эхо, подхватывая, уродуя, звук, познавший небо. Шум крыльев в соседней низинке, птиц гомон, переполох баб – все это он сотворил – туман, посеяв в покое мокрый страх неразберихи. Желая сладости легких морозцев, кислела клюква, запотевая в туманной влаге, устремляющейся

ло радость Любви и неги. Коснулось и его Всемогущее тепло. И он, туман, обласкан и согрет. Сам не зная того; и даже против воли.

ВСЯКОЕ ДЫХАНИЕ...

Был слякотный день ранней весны. Озябшая до посинения и, видно, давно ничего не евшая, чья-то старенькая мать и бабушка, чтобы обогреться, зашла в казенное заведение. Здесь, на почте, я услышала впервые трогательные слова молитвы, поразившись глубиной и тем, кто и в какую минуту произнес.

В древней выцветшей жакетке, рваном платке на голове, в галошах, подмотанных тряпьем, она сидела на казенном стуле, и рядом – кошка, столь же убогое существо. Бездомное животное усердно намывало лапкой мордочку, видно, только что съев полученный кусочек. Старушка умильно наблюдала за ней.

– Всякое дыхание да хвалит Господа! – с искренним восторгом сказала старушка.

– Хвалит!.. – пробрюзжала пропойная женщина, находящаяся тут же. – Саму сын из дому выгнал, жить негде, а она все не образумится. Радуетесь кошке облезлой.

И столько злобы было в этой еще молодой ядреной, но опустившейся бабёнке. Такое негодование за неудавшуюся личную жизнь...

Кошка, довольная, что ее не гонят, все увереннее наводила личную гигиену, стараясь отблагодарить людей. Равовалась ее радостью и теплу помещения чья-то старенькая мать. И на лицах стоящих в очереди промелькнула озадаченность: «Почему же я недоволен своей жизнью, в общем-то, благополучной?».

Людмила ГАРГУН

